

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

УДК 81

DOI 10.18413/2075-4574-2018-37-3-394-405

О ДИСКУРСНОМ АНТРОПОЦЕНТРИЗМЕ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИИ

ON DISCURSE ANTHROPOCENTRISM AND LINGUISTIC PERSONALITY

Л.М. Бузинова

L.M. Buzinova

Международный университет в Москве,
Россия, 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, 17

International University in Moscow,
17, Leningradsky ave., Moscow, 125040, Russia

E-mail: rluda@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена описанию категории «языковая личность» в современных лингвистических исследованиях как в России, так и за рубежом. Показано, что антропоцентрическая парадигма прочно занимает центральное место в современном научном знании. Рассматриваемая категория трактуется в рамках понятия «лингвистическая идентичность», которая функционирует в специфическом пространстве обменов коммуникативно значимой информацией. В тексте нашей работы подробно рассматривается эпистемология научных подходов и исследовательских концепций в персонологическом ключе. Способ вербализации (универсальный или национально-культурный) личности коррелирует с данным процессом категориальной типологизации реальности. Авторы публикации приходят к выводу, что комплексный и междисциплинарный подход к анализу моделей репрезентации лингвистической идентичности имеет большие перспективы для дальнейшего развития персонологической теории. На основе данной методики могут быть выделены акцессорные свойства языковой личности любого типа. В тексте настоящей статьи рассматриваются в контексте названной теории элементы институциональной языковой личности. Частный случай личности данного типа – академическая языковая личность. Такой вид языковой личности интегрирует сразу два типа – лингвонормативный и лингвокреативный.

Abstract

The paper describes the category of «linguistic identity» in modern linguistic studies, both in Russia and abroad. It is shown that the anthropocentric paradigm is firmly at the center of modern scientific knowledge. The language personality is regarded as a certain type of linguistic identity, functioning in the framework of specific ways to exchange communication information. Epistemology of scientific approaches and research concepts is considered in personological key. Universal and national-cultural ways of verbalization of linguistic identity relate to a certain type of categorization of reality. Prospects of research methods verbalization linguistic identity are seen as part of a comprehensive analysis of communicative behavior, based on a multidisciplinary approach. Using this technique, it is possible to provide additional parameters of the language person of this type. The elements of institutional linguistic identity are considered. In particular, in the text of this article, elements of the institutional language personality are examined in the context of this theory. A special case of an individual of this type is the

academic language personality. This kind of linguistic personality integrates at once two types - linguo-normative and linguo-creative.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникативное поведение, ядерная сема, коннотативный фон, семиотика когниции и коммуникации, языковая картина мира, когниция, эмоциональность, экспрессивность, этнокультурность.

Keywords: language personality, communicative behavior, nuclear sema, connotative background, semiotics of cognition and communication, language picture of the world, cognition, emotion, expressive, ethno-cultural mode.

Введение

Исследования человека, имеющие целью оптимизацию его личностных характеристик и компетенций, являются центральной задачей для большинства современных научных сообществ как в нашей стране, так и за рубежом. Ведущим исследовательским принципом в эпистемологических моделях современности является антропоцентризм. Данная эпистемологическая парадигма имеет ключевым объектом языковую личность (далее ЯЛ). Анализ данного феномена обусловлен как моделированием когнитивных и коммуникативных способностей индивида, так и его мировидения, а также этнокультурного угла зрения на сознание и мыслительные механизмы обработки информации.

Языковые явления интеллектуально и жизненно значимы для человека, при этом они отражают внутренние потребности субъекта речи, служат активным орудием влияния на коммуникативное поведение индивидов, формируют мировоззренческие позиции. Именно эта значимость и динамика интерактивного потенциала языка обуславливает его активное изучение не только в лингвистических дисциплинах, но и в ряде таких наук как психология, философия, лингводидактика и даже криминалистика.

В традиционном и широком понимании ЯЛ трактуется в своих двух форматах:

1) любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире;

2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов [Языковая личность ... 2016: 515].

Включим сюда и наиболее актуальные ипостаси ЯЛ:

– коллективный носитель языка, характеризующийся на основе анализа продуцируемых им текстов с учётом двух «инстанций»: языка как системы и речи как её реализации, при этом важным элементом описания выступает прагматика использования текстов в различных типах дискурса [Карасик, 2000; Charaudeau, 2009; Ворожбитова, 2012; Седых, 2013; Charaudeau, 2014];

– описание языковых способностей человека с целью получения знаний об индивидуальных признаках личности [Фрумкина, 1987; Николаева, 1991; Крысин, 2001; Парсамова, 2004;].

Предварительные методические замечания

Типологические репрезентанты свойств ЯЛ могут быть выявлены в рамках эпистемологической схемы, которая включает в себя семный, коннотативный и интерпретационный этапы трактовки языкового материала.

1. Этап выявления ядерной или интегральной семы.

Речь идёт о выявлении в семантике высказывания неразложимого (неустрашимого) смыслового компонента. Для этой цели может понадобиться процедура вычленения дополнительных сем: дифференциальной (различительной), квалифицирующей, атрибутивной, периферийной. На фоне дополнительных сем ядерная единица смысла может быть выделена с большей долей вероятности, но данная процедура может носить факультативный характер. Всё зависит, в конечном счете, от интуитивно-аналитических качеств исследователя, насколько он способен идентифицировать тождественные семы на уровне общего понятийного поля дискурсного отрезка. В этом плане важно учитывать тот факт, что на основе ядерных комбинаций семантического комплекса высказываний, как правило, формируется смысловая гомогенность дискурса, которая актуализирует интегральную сему, содержащуюся в большинстве речевых отрезков.

2. Этап обнаружения элементов коннотационного фона.

По нашему мнению, коннотационный фон языковых элементов может включать в себя подразумеваемый смысловой элемент высказывания: идеологический, эмоционально-экспрессивный, тематический и пр. Коннотационный фон актуализируется в процессе предъявления дискурсного сегмента, соотносится со стереотипами восприятия реальности носителями национальной лингвокультуры и выступает благоприятным материалом для выявления национально-культурной специфики высказывания.

Когнитивная база и культурное пространство носителя национального языка играет здесь не последнюю роль. Коннотативный макрокомпонент языковой единицы – яркое выразительное средство любого языка, при этом он обладает мощным потенциалом воздействия на эмоциональные инстанции сознания представителя автохтонной культуры.

3. Этап идентификационной проекции.

Как известно в психологии и психоанализе термин «проекция» означает один из психологических механизмов защиты, в рамках которого личность «проецирует» (приписывает) собственным мыслям внешние характеристики, иными словами, когда собственный внутренний мир трактуется как привнесённый извне, а не изнутри рефлексирующего сознания [Седых, 2010; Седых, 2013]. В нашем случае идентификационная проекция означает перенос внешних данных (предыдущих двух этапов) на персонологические признаки автора рассматриваемого текстового отрезка. Основой языкового модуса индивида выступает семно-коннотационный базис лексем, наполняющих данный фрагмент. Дополнительными элементами уточнения (обнаружения) черт личности могут быть прагматические цели высказывания, идеологический формат, эмоционально-экспрессивная компонента, тематическая семантика. Ведущим эпистемологическим принципом здесь выступает функционально-прагматическая схема анализа, которая необязательно сводится только к выявлению национально-культурных особенностей лексической номинации.

Основная часть

Любой этнос не может существовать без языка, иными словами без своей самой яркой аутентификационной (идентифицирующей) характеристики. Язык также «спаян», и это в настоящее время не вызывает ни у кого сомнения, глубинными связями с культурным пространством и лингвокультурным кодом, с которыми он соотносится как инструмент и форма существования [Толстой, 1997]. Используя более сильную, гностическую формулировку Евангелия от Иоанна, язык является источником всего сущего («Вначале было слово...»), в том числе и самого человека.

Вместе с тем в середине двадцатого столетия макролингвистические проблемы (язык→общество→культура→личность) оттесняются на периферийные позиции из-за доминирования структуралистских тенденций в языкознании, которые предполагают изучение языка «в себе и для себя».

Несмотря на «засилье» структурализма, научная парадигма гуманитарного знания (системно-структурная и статическая) меняется, и конец прошлого столетия знаменуется

приходом парадигмы антропоцентрической, функциональной, когнитивной и динамической. Человек снова становится мерой всех вещей и возвращается в центр мироздания. Новый виток эпистемологической спирали смещает центр притяжения на периферийные до этого объекты и закрепляет позиции новых стыковых областей научного знания в области этнопсихологии, психолингвистики, когнитивной психологии и лингвистики, социолингвистики и этнолингвистики. В рамках возникновения новых гибридных дисциплин возникают ещё более гибридные направления: этнопсихолингвистика, этносемантика, этнофразеология и даже этнофоносемантика.

Мы разделяем мнение С.Г. Воркачёва о том, что категория языковой личности «проецируется» в языкознание и представляет собой междисциплинарный термин, преломляющий в себе конкретные качественные характеристики индивида с учётом философских, социологических, психологических взглядов на свойства человека как общественно значимую единицу в совокупности его физических и духовных параметров [Воркачев, 2001: 56].

Среди первых представителей зарубежной лингвистики, обративших своё внимание на проблематику ЯЛ, был И.Л. Вайсгербер, который отметил ключевую роль родного языка в жизни человека вообще и языковую обусловленность формирования духовного мира индивида в частности [Вайсгербер, 1993]. В этом плане уместным представляется мысль В.В. Воробьёва: «Личность – средоточие взаимосвязи культуры и языка, диалектики их развития. Поэтому о личности можно говорить только как о языковой личности, воплощённой в языке» [Воробьев, 1998: 26].

Не будет большим преувеличением сказать, что человек существует как социальный субъект именно благодаря языку, который сам является социальной сущностью, так как «наличествует» в языковых сознаниях как индивида, так и коллектива, являющихся векторами культуры. Языковое сознание как условная шкала языковой когниции обладает двумя предельными точками: этнос и индивидуум [Карасик, 2007: 8]. Перефразируя мысль академика Ю.С. Степанова, можно сказать, что язык создаётся по образу и подобию человека, человеческий масштаб и мерки фиксируются в языковых структурах, и именно по этим меркам язык и следует изучать [Степанов, 1998: 15].

Сознание неотторжимо от языка, на котором говорит человек. При этом язык как инструмент сознания выступает посредником между индивидом и картиной мира, которую язык отображает в лингвистических формах. Человек и языковая картина мира взаимосвязаны и взаимозависимы на базе круга понятий, представлений и образов, запечатлённых в национальном языке. Индивид находится в необходимости ассимилировать языковые формы и способы перцепции внешнего и внутреннего мира, так как он «врастает» в язык [Вайсгербер, 1993: 102]. По сути дела человек, как коллективный представитель языкового коллектива, не является полноправным хозяином языка, на котором он говорит, так как сам язык формируется языком людей, принадлежащих одному народу, общей культурой и традицией.

Современная антропоцентрическая лингвистика всё чаще апеллирует к понятию «языковая личность», рассматривая его с точки зрения способностей осуществлять речевой поступок. В отечественной лингвистике данный концепт формулируется академиком В.В. Виноградовым, который учитывает его системность и предлагает его рассматривать с учётом индивидуальных и коллективных параметров на материале дискурса художественной литературы. Учёный, развивая понятия «образ автора» и «художественный образ», приходит к выводу о синтезировании данных феноменов в единое понятие языковой личности (образ повествователя, художественный образ персонажа и пр.) в литературной произведении. Виктор Владимирович впервые составляет лингвистические портреты конкретных писателей (Пушкина, Гоголя, Лермонтова) [Виноградов, 1980: 120 – 146].

Существование индивида в языковом пространстве, моделях коммуникации, стереотипных ситуациях, отражаемых в языке, представляет собой продуктивный

материал для реконструкции лингвистических алгоритмов человеческого мировидения. Наиболее популярной и часто воспроизводимой в отечественной филологии является концепция ЯЛ Юрия Николаевича Караулова, в рамках которой данная категория трактуется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)», которые различаются уровневыми характеристиками: структурно-языковой сложностью, адекватностью отражения действительности, аксиологической направленностью [Караулов, 2002, с. 3]. Приведённое определение ЯЛ предполагает рассмотрение данной категории в статике и в динамике функционирования. Первый случай трактует языковую личность как субъект социально-психологических интеракций с неповторимой композицией личностных характеристик, иными словами – устойчивостью психосоматической структуры. Второй подход отражает определённый этап развития языковой личности, которая находится в стадии становления своих идиолектных признаков, иначе говоря – в состоянии неустойчивости идиолектных и социальных атрибутов.

Актуальным можно считать подход, рассматривающий ЯЛ с точки зрения языкового мышления (когниции) и коммуникативного поведения, то есть в рамках лингвоконцептологии и дискурсной теории. В рамках данного направления проводит исследования профессор А.П. Седых, который рассматривает ЯЛ как «имбрикационный концепт, вербализующийся в типичных коммуникативных ситуациях в рамках культурно-обусловленного сценария», а также – как «сигнификат (сигнатура) культуры, концептуальный потенциал лингвистической идентификации нации» [Седых, 2013: 6]. Лингвокогнитивная типология является также актуальным направлением для исследователя, который трактует рассматриваемый феномен как вероятностную модель динамической реализации биномной структуры языка и речи, репрезентирующей близкого к идеальному носителя идиоэтнических признаков в дискурсном пространстве этнокультурных алгоритмов коммуникации [ibid.].

Вышеназванный подход близок к концепции Владимира Ильича Карасика, использующего термин «лингвокультурный типаж» в смысле узнаваемого образа представителя определённой культуры, «совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, 2002; Карасик, 2005: 8].

Нельзя не упомянуть и о категории профессиональной языковой личности (далее – ПЯЛ), которая органично входит в понятие национальной ЯЛ и не может быть отделена от национальной культуры и коммуникации. Какой бы степенью индивидуации не обладал профессионал «говорящий», его личностные характеристики не могут рассматриваться вне этнолингвистических особенностей этноса, при этом «языковая компетенция в данном случае необязательно должна быть оптимальной, достаточно внутреннего ощущения сопричастности с национальными корнями» [Седых, 2010: 8].

В последнее время ПЯЛ привлекает особое внимание исследователей, как в нашей стране, так и за рубежом. Рассматриваются ЯЛ следующих специалистов: профессионалов в области физической культуры и спорта [Валитова, 2007], музыкантов [Азначеева, 2009], специалистов неязыковых вузов [Кудрявцева, 2009], переводчиков [Бушев, 2010], врачей [Акаева, 2011], филологов-бакалавров [Ворожбитова, 2012], французских президентов и бизнесменов [Седых, 2013].

По мнению Е.Э. Кудрявцевой, «языковая личность специалиста представляет собой потенциальную способность коммуникантов реализовать обмен профессиональной информацией на иностранном языке в устной и письменной формах, самостоятельно осуществлять поиск, накопление и расширение объема профессионально значимых знаний в процессе естественного (прямого и опосредованного) общения с носителями языка» [Кудрявцева, 2009: 215].

Смысловая наполненность термина «профессиональная языковая личность» определяется нами в первую очередь как использование языка в русле осуществления основной деятельности субъекта речи с целью достижения профессиональных задач.

Актуализируется же ЯЛ, в частности, преподавателя, в процессе функционирования профессионально-педагогического (академического) дискурса. Для ПЯЛ отраслевая терминология служит лингвистической основой манифестации, по крайней мере, двух языковых картин мира. Речь идёт об интерференции профессионального и обыденного дискурса, когда элементы профессиональной активности частично проецируются в бытовое коммуникативное поведение: преподаватель остаётся преподавателем, даже когда он общается в непреподвательской среде.

Подчеркнём, что анализ семантики речевых эпизодов, с использованием профессиональных терминов, не возможен в рамках выявления лишь классических параметров языковой личности. В этом плане необходим учёт арсенала языковых средств «профессиональной языковой личности», которая владеет корпусом отраслевой и специальной информации, воздействующей на структуру языкового сознания индивида. По мысли Т.Г. Поповой, у каждого человека существует индивидуальное когнитивное пространство, иными словами структурированная (определённым образом) совокупность знаний и представлений [Попова, 2003: 39]. Здесь уместно упомянуть о профессиональном когнитивном пространстве, которое расширяет понятийные границы термина «языковая личность».

Если говорить о когнитивном пространстве преподавательской личности, то оно, являясь частью институционального дискурсного континуума, основывается на знании грамматики, языковых закономерностей, владении законами технического мастерства, профессиональных «хитростей» и отражается непосредственным образом в дискурсных формах и способах их функционирования. В этом смысле поиск механизмов выявления параметров ЯЛ связан с коммуникативными стратегиями, речевыми характеристиками, жанровыми законами текстовых хронотопов, иными словами основывается на лингвистических правилах идентификации ментальных свойств индивида.

По мнению А.П. Седых, лингвидентификационные параметры языковой личности имеют эпистемологические основания, которые тезисно могут быть представлены следующим образом:

1. ЯЛ проявляется через язык и обладает перманентными коммуникативными признаками.

2. На основе единства когнитивной базы и когнитивного пространства формируется этнолект, объединяющих всех носителей национального языка.

3. Коллективная ЯЛ может трактоваться как символ этнокультуры. Единичная ЯЛ может обладать символьным потенциалом, который может быть реконструирован лингвистически.

4. Лингвоанализ предшествует выявлению этнокультурной составляющей языковой личности.

5. Для реконструкции ЯЛ применяются весь арсенал лингвистических методов с учётом методики различных дисциплин: когнитивистики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии и пр. [Седых, 2009: 32].

Так как язык есть семиотическая подсистема культуры, семиотические методы исследования являются эпистемологическим стержнем построения (моделирования) языковой личности. Данный подход предполагает, прежде всего, дифференциацию значимых и незначимых элементов, что соответствует концепции Юрия Михайловича Лотмана, который подчёркивает: «Элементы, не несущие значения, с точки зрения данной системы моделирования как бы не существуют. Факт их реального существования отступает на задний план перед лицом их *нерелевантности* в данной системе моделирования» [Лотман, 1999: 80].

На сегодняшний момент существует довольно разветвлённый ряд толкований феномена ЯЛ. Приведём наиболее значимые, по нашему мнению, трактовки данного феномена (приводим последовательность по А.П. Седых) [Седых, 2004]:

1. Элитарная языковая личность. Трактовка Ольги Борисовны Сиротининой: «Носители элитарного типа – люди, владеющие всеми нормами литературного языка, выполняющие этические и коммуникационные нормы. Это означает соблюдение не только кодифицированных норм, но и функционально-стилевой дифференциации литературного языка, норм, связанных с использованием устной или письменной речи» [Сиротинина, 2000].

2. Полилектная и идиолектная личность. Владимир Петрович Нерознак в рамках персонологической теории представляет дихотомию «стандартность/нестандартность» и призывает объединить верхний и нижний пласты языковой культуры в категории «идиолектная личность» [Нерознак, 1996: 113-114].

3. Юрий Николаевич Караулов выдвигает понятие русской языковой личности, которая предстаёт как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [Караулов, 2002: 3].

4. Татьяну Николаевну Снитко интересуют «предельные понятия» восточной и западной цивилизаций. В рамках функционирования пиковых мировоззренческих категорий Востока и Запада учёный рассматривает и категорию языковой личности [Снитко, 1999].

5. Подчёркивая междисциплинарность подходов к изучению рассматриваемого феномена, Виктор Иванович Шаховский говорит об эмоциональной языковой личности. По мнению автора данного термина, эмоции есть «специфическая форма человеческого отношения к миру и к себе в этом мире, а также его языковое отражение в лексиконе и речевой деятельности человека» [Шаховский, 1996: 29].

7. Французская языковая личность. Аркадий Петрович Седых рассматривает данный тип личности как «гипотетическую модель актуализации дихотомии язык-речь, репрезентирующую в обобщенном виде идеального (по М. Веберу) носителя этнокультурных характеристик в динамике реализации общефранцузских параметров коммуникации» [Седых, 2005: 11; Седых, 2010: 7].

Предлагается ввести в обиход термин «институциональная языковая личность» и как частный случай личности данного типа – академическая языковая личность. К основным характеристикам выявления признаков академической языковой личности можно отнести следующие элементы: рекуррентные речевые модели поведения преподавателя, типичность ситуаций общения, статусно-обусловленный коммуникативный сценарий. Иными словами ЯЛ преподавателя должна рассматриваться сквозь призму текстовой и дискурсно-коммуникативной проекции. Данный формат проекции совмещает в себе две базовые персонологические композанты: произвольность и иконичность [Якобсон, 1987; Лотман, 1999]. Первая композанта коррелирует с обыденным (клишированным) дискурсом, вторая – с креативным дискурсом.

В своих основополагающих функциях (в применении к профессионально-преподавательскому дискурсу) произвольность обусловлена принадлежностью преподавателя к определенной этнокультуре, а иконичность – идиолектом как категорией субъекта общезыковой коммуникации. Исходя из положения о том, что обыденная речь может обладать свойствами креативности, можно предположить, что институциональная языковая личность интегрирует два основных типа личности: лингвонормативный и лингвокреативный: «Лингвонорматив – языковая личность, в структуре которой преобладает регулятивный подход к употреблению языкового материала и коммуникации, а лингвокреатив – языковая личность, в структуре которой преобладает творческий подход к употреблению языкового материала и коммуникации» [Седых, 2005: 15].

В плане данной схематической редукции, которая является необходимым звеном в идентификационном анализе коммуникативной структуры ЯЛ, в частности языковой личности преподавателя как личности институционального формата, нас интересует

соотношение нормативности и креативности в языковой когниции личности. При этом следует рассматривать дихотомию произвольности и иконичности в качестве семиотических концептов, которые вербализуются специфическими языковыми средствами в определённых типах высказываний. Главная цель – определить не только «интеракцию» данных элементов структуре языкового восприятия индивида, но и каким образом они воздействуют на механизмы и модели коммуникативного поведения.

Важной областью теории коммуникации выступает моделирование динамических связей между людьми в процессе общения [Касевич, 2001]. В этом смысле интегрирование теории коммуникации и лингвистики достигается на функциональном уровне. Основной функцией институциональной личности предлагается считать прагматическую функцию, иначе говоря, установку на использование языковых средств с целью речевого воздействия на сознание носителя языка.

Языковая личность институционального формата может быть структурирована с учётом специфики *идеологических, психоэмотивных, этнокультурных, тематических* элементов национального языка и узуса. Кратко рассмотрим каждый из уровней функционирования институциональной языковой личности.

Идеологический. Данный уровень соотносится с системой идей, представлений, взглядов, характеризующей воззрения на социально-политическую и иную жизнь социальной группы, класса, политической партии, по отношению к которой позиционирует себя общественный деятель. Каждый из преподавателей может выступать центральным вектором идеологии и фразеологии партии, к которой он принадлежит.

Психоэмотивный. Этот уровень отражает личностные параметры коммуникативного поведения преподавателя с точки зрения эмоциональных параметров употребляемых высказываний или фразеологии. Эмоциональность фраземики языковой личности может определяться в терминах интенсивности: *нейтральная, средняя, повышенная*.

Этнокультурный. Каждый преподаватель является одним из ярких представителей языкового сообщества, к которому он принадлежит. Этнокультурные признаки высказываний языковой личности выявляются по частотности употребления, в частности идиоматического фонда родного языка.

Тематический. Данный уровень демонстрирует превалирующие тематические группы языковых единиц в речевых манифестациях рассматриваемых индивидов. На основе сопоставительного выделения доминантного тематического материала в дискурсе представляется возможным описать сущностные признаки языковой личности любого субъекта коммуникации.

Выводы

Итак, антропоцентрическая парадигма научного знания прошлого столетия и современности, как в отечественном, так и зарубежном исследовательском сообществе, способствует появлению лингвоперсонологического направления в языкознании. Центральной единицей изучения гуманитариев и лингвистов становится человек в его языковой ипостаси – языковая личность. Данная категория функционирует в пространстве языковой картины мира, которая, являясь многоуровневым единством, обеспечивает базу для выявления мировоззренческой системы лингвокультуры и национально-культурного статуса личности.

Термин «языковая личность» в наиболее полной мере представляет национальную личность и вмещает в себя психологический, социальный, этический и другие компоненты, отраженные в национальном языке, дискурсе и коммуникативном поведении представителей лингвокультурной общности. Традиционно различают несколько уровней ЯЛ: вербально-семантический, когнитивный, прагматический, коммуникативный.

Индивид любой культуры существует в языке как системе и в дискурсе как способе реализации этой системы. Характерологические признаки индивида могут быть выявлены

при условии обладания личностью релевантным набором дискурсных (лексемных, фразеологических, грамматических, фонетических) манифестаций. При этом любой тип дискурса должен трактоваться как коммуникативный феномен, а языковая личность должна пониматься как семиотический конструкт, иными словами структурироваться как текстовый продукт. Важным элементом структуры языковой личности является факт её симультанного существования как системы и структуры, а также принцип изоморфности полевой устроенности, иными словами, обладание центрально-периферийной конструкцией взаимодействия между композантами.

Эпистемологическая схема выявления сущностных параметров языковой личности представляет собой этапное взаимосвязанное исследование, включающее семный, коннотативный и проективный периоды. Вследствие того, что языковая личность эволюционирует на основе языковой когниции и коммуникации, в алгоритм анализа должен быть включён междисциплинарный подход с выделением как минимум идеологического, психоэмотивного, этнокультурного и тематического уровней. Уровневая модель определяет индивида как пучок дифференциальных признаков и, в зависимости от своей экзистенциальной / коммуникативной манифестации, объединяет в себе конкретные для рассматриваемой ситуации функции.

В качестве перспектив дальнейших исследований предлагается ввести в качестве единицы анализа филологическую личность как интегративную часть академической языковой личности. Речь идёт о лингвокреативной личности преподавателя высшей школы, который стремится реализовать себя в ответственной деятельности обогащения средств национального языка. К сожалению, в последнее время внимание к личности такого типа ослабевает, и именно поэтому любой выпускник вуза должен стать филологической личностью в высшем смысле этого термина, а значит обладать лучшими образцами литературной речи, чтобы иметь возможность совершенствовать речевой узус и национальную коммуникацию. В этом плане лингвоэстетические параметры языковой личности ждут своих исследователей.

Список литературы

References

1. Азначеева Е.Н. 2009. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта. В кн.: Вестник Челябинского государственного университета, 43: 5–9.
Aznacheeva E.N. 2009. K probleme tipologizacii professional'noj jazykovoj lichnosti muzykanta [To the problem of typologization of a professional language personality of a musician] In: Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 43: 5–9. (in Russian)
2. Акаева Э.В. 2011. Языковая личность врача – ведущего научно-популярной медицинской программы. В кн.: Вестник Челябинского государственного университета, 24: 189–190.
Akaeva, Je.V. 2011. Jazykovaja lichnost' vracha – vedushhego nauchno-populjarnoj medicinskoj programmy [Language personality of the doctor – the presenter of a popular scientific medical program]. In: Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 24: 189–190. (in Russian)
3. Бушев А.Б. 2010. Языковая личность профессионального переводчика. Монография. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 265.
Bushev A.B. 2010. Jazykovaja lichnost' professional'nogo perevodchika [Language Personality of a Professional Translator]. Monografija. Tver': ООО «Laboratorija delovoj grafiki», 265. (in Russian)
4. Вайсгербер И.Л. 1993. Родной язык и формирование духа. М., Изд-во Московского ун-та, 224.
Vajsgerber, I.L. 1993. Rodnoj jazyk i formirovanie duha [Mother language and spirit formation]. M., Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1993, 224. (in Russian)
5. Валитова Н. 2007. Воспитание профессиональной языковой личности на основе формирования профессионального тезауруса специалиста в области физической культуры и спорта. В кн.: Теория и практика физической культуры. Выпуск 8: 51–54.

Valitova N. 2007. Vospitanie professional'noj jazykovoj lichnosti na osnove formirovaniya professional'nogo tezaurusa specialista v oblasti fizicheskoj kul'tury i sporta [Education of a professional language personality on the basis of the formation of a professional thesaurus of specialist in physical culture and sports]. In: *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury* [Theory and practice of the physical culture]. Vol. 8: 51–54. (in Russian)

6. Виноградов В.В. 1980. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., Наука, 362.

Vinogradov V.V. 1980. *Izbrannye trudy. O jazyke hudozhestvennoj prozy* [Selected works. On the language of artistic prose]. М., Nauka, 362. (in Russian)

7. Воркачев С.Г. 2001. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. В кн.: *Филологические науки*, 1: 64–72.

Vorkachev S.G. 2001. *Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii* [Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1: 64–72. (in Russian)

8. Воробьев В.В. 1998. Языковая личность и национальная идея. В кн.: *Народное образование*, 5: 25–30.

Vorob'ev V.V. 1998. *Jazykovaja lichnost' i nacional'naja ideja* [Language personality and national idea]. In: *Narodnoe obrazovanie*, 5: 25–30. (in Russian)

9. Ворожбитова А.А. 2012. Интерпретативная культура языковой личности как инструмент изучения дискурсивных процессов: теория и методика формирования в лингвориторической парадигме. В кн.: *Вестник СГУТ и КД*, 2 (20): 197–200.

Vorozhbitova A.A. 2012. *Interpretativnaja kul'tura jazykovoj lichnosti kak instrument izuchenija diskursivnyh processov: teorija i metodika formirovaniya v lingvoritoricheskoj paradigm* [Interpretative Culture of Language Personality as a Tool for Studying a Discourse Processes: Theory and Methodology of Formation in the Linguoritoric Paradigm]. In: *Vestnik SGUT i KD*, 2 (20): 197–200. (in Russian)

10. Карасик В.И. 2000. О типах дискурса. В кн.: *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Волгоград, Перемена: 5–20.

Karasik V.I. 2000. *O tipah diskursa* [On types of discourse]. In: *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: Sb. nauch. tr. Volgograd, Peremena*, 5–20. (in Russian)

11. Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 476.

Karasik V.I. 2002. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena, 476. (in Russian)

12. Карасик В.И., Дмитриева О.А. 2005. Лингвокультурный типаж: к определению понятия В кн.: *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы*. Волгоград, Парадигма: 5–25.

Karasik V.I., Dmitrieva O.A. 2005. *Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniju ponjatija* [Lingvocultural type: to the definition of the concept]. In: *Aksiologicheskaja lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi. Volgograd, Paradigma*: 5–25. (in Russian)

13. Карасик В.И. 2007. Эволюция и инволюция концептов. В кн.: *Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей*. Волгоград: 44–51.

Karasik V.I. 2007. *Jevoljucija i involjucija konceptov* [Evolution and involution of concepts]. In: *Aksiologicheskaja lingvistika: problemy lingvokonceptologii i lingvokul'turnyh tipazhej. Volgograd*: 44–51. (in Russian)

14. Караулов Ю.Н. 2002. Русский язык и языковая личность. М., УрСС, 264.

Karaulov Ju.N. 2002. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. М., UrSS, 2002, 264. (in Russian)

15. Касевич В.В. 2001. Теория коммуникации и теория языка. В кн.: *Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения*. СПб.: 70–75.

Kasevich, V.V. 2001. *Teorija kommunikacii i teorija jazyka* [Theory of Communication and Language Theory] // V.V. Kasevich *Govorjashhij i slushajushhij: Jazykovaja lichnost', tekst, problemy obuchenija*. SPb.: 70–75. (in Russian)

16. Крысин Л.П. 2001. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета. В кн.: *Русский язык в научном освещении*, М., 1: 90–106.

Krysin L.P. 2001. *Sovremennyj russkij intelligent: popytka rechevogo portreta* [Modern Russian intellectual: attempt of a verbal portrait]. In: *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. М., 1: 90–106. (in Russian)

17. Кудрявцева Е.Э. 2009. Языковая личность в процессе лингвообразовательной подготовки специалиста. В кн.: Иностранные языки: лингвистический и методический аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, Педагогический институт СГУ: 187–194.

Kudrjavceva E.E. 2009. Jazykovaja lichnost' v processe lingvoobrazovatel'noj podgotovki specialista [Language personality in the process of linguistic education of a specialist] In: Inostrannye jazyki: lingvisticheskij i metodicheskij aspektu: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Saratov, Pedinstitut SUGU: 187–194. (in Russian)

18. Лотман Ю.М. 1999. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., Языки русской культуры, 464.

Lotman Ju.M. 1999. Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija [Inside the thinking worlds. Human - text - semiosphere - history]. M., Jazyki russkoj kul'tury, 464. (in Russian)

19. Нерознак В.П. 1996. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. В кн.: Язык. Поэтика. Перевод. М.: 112–116.

Nerознаk V.P. 1996. Lingvisticheskaja personologija: k opredeleniju statusa discipliny [Linguistic personology: to determine the status of a discipline]. In: Jazyk. Pojetika. Perevod. M.: 112–116. (in Russian)

20. Николаева Т.М. 1991. «Социолингвистический портрет» и методы его описания. В кн.: Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. М.: 73–75.

Nikolaeva T.M. 1991. «Sociolingvisticheskij portret» i metody ego opisanija ["Sociolinguistic portrait" and methods of its description]. In: Russkij jazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitija rusistiki. Doklady Vsesojuznoj nauchnoj konferencii. Chast' 2. M. 73–75. (in Russian)

21. Парсамова В.Я. 2004. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: На материале писем Ю.М. Лотмана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 23.

Parsamova V.Ja. 2004. Jazykovaja lichnost' uchenogo v jepistoljarnyh tekstah [Language personality of a scientist in epistolary texts]: Na materiale pisem Ju.M. Lotmana: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: Saratov, 23. (in Russian)

22. Попова Т.Г. 2003. Испанский научно-технический текст: традиции и современные подходы к изучению. М., Изд-во РУДН, 160.

Popova T.G. 2003. Ispanskij nauchno-tehnicheskij tekst: tradicii i sovremennye podhody k izucheniju [Spanish scientific and technical text: traditions and modern approaches to learning]. M., Izd-vo RUDN, 160. (in Russian)

23. Седых А.П. 2004. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). М., Компания Спутник+, 269.

Sedykh A.P. 2004. Jazykovaja lichnost' i jetnos (nacional'no-kul'turnye osobennosti kommunikativnogo povedeniya russkih i francuzov) [Language personality and ethnos (national and cultural features of communicative behavior of Russian and French)]. M., Kompanija Sputnik+, 269. (in Russian)

24. Седых А.П. 2005. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 43.

Sedykh A.P. 2005. Jetnokul'turnye harakteristiki jazykovoju lichnosti (na materiale francuzskoj jazykovoju lichnosti) [Ethnocultural characteristics of the language personality (on the basis of the French language personality)]: avtoref. dis. ... dokt. filol. Nauk. Saratov, 43. (in Russian)

25. Седых А.П. 2009. Лингвистические основы идиоэтнической интерпретации языковой личности. В кн.: Вопросы филологии, 3 (30). М., Российская академия лингвистических наук, Институт языкознания РАН: 31–38.

Sedykh A.P. 2009. Lingvisticheskie osnovy idiojetnicheskoi interpretacii jazykovoju lichnosti [Linguistic basis of the idioethnic interpretation of the language personality]. In: Voprosy filologii [Questions of the philology], 3 (30). M., Rossijskaja akademija lingvisticheskikh nauk, Institut jazykoznanija RAN: 31–38. (in Russian)

26. Седых, А.П. 2010. Русско-французский словарь: профессиональная и быденная коммуникация. М., Флинта: Наука, 168.

Sedykh A.P. 2010. Russko-francuzskij slovar': professional'naja i obyden'naja kommunikacija [Russian-French dictionary: professional and everyday communication]. M., Flinta: Nauka, 168. (in Russian)

27. Седых А.П. 2013. Французская языковая личность. Когнитивно-коммуникативный аспект. Белгород: ИД «Белгород», 244.

Sedykh A.P. 2013. Francuzskaja jazykovaja lichnost'. Kognitivno-kommunikativnyj aspekt [French language personality. Cognitive-communicative aspect]. Belgorod, ID «Belgorod», 244. (in Russian)

28. Сиротинина О.Б. 2000. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне. В кн.: Активные языковые процессы конца XX века. М.: Азбуковник, 2000.
- Sirotinina O.B. 2000. Horoshaja rech': sdvigi v predstavlenii ob jetalone [Good speech: shifts in the perception of the standard]. In: Aktivnyje jazykovye processy konca XX veka. M., Azbukovnik. (in Russian)
29. Снитко Т.Н. 1999. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах Пятигорск, 158.
- Snitko T.N. 1999. Predel'nye ponjatija v zapadnoj i vostochnoj lingvokul'turah [Limit concepts in western and eastern linguocultures]. Pyatigorsk, 158. (in Russian)
30. Степанов Ю.С. 1998. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 784.
- Stepanov Ju.S. 1998. Jazyk i metod. K sovremennoj filosofii jazyka [Language and method. To the modern philosophy of language]. M., Jazyki russkoj kul'tury, 1998, 784. (in Russian)
31. Толстой Н.И. 1997. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Москва.
- Tolstoj N.I. 1997. Jethnolingvistika v krugu gumanitarnyh discipline [Ethnolinguistics in humanitarian disciplines]. In: Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologija [Russian language arts. From the theory of language arts to the structure of the text]. Moscow. (in Russian)
32. Фрумкина Р.М. 1987. Мой учитель А.А. Реформатский. В кн.: Знание – сила, № 7.
- Frumkina R.M. 1987. Moj uchitel' A.A. Reformatskij [My teacher A.A. Reformatsky] in: Znanie – sila [Knowledge is a power], Vol. 7. (in Russian)
33. Шаховский В.И. 1996. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности В кн.: Общество, язык и личность: Материалы Всерос. науч. конф., Пенза, Вып. 1: 29–30.
- Shahovskij V.I. 1996. Nacio- i sociokul'turnye aspekty jazykovej lichnosti [National and sociocultural aspects of language personality] In: Obshhestvo, jazyk i lichnost' [Society, language and person]: Materialy Vseros. nauch. konf., Penza, Vol. 1: 29–30. (in Russian)
34. Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию члена-корр. РАН Ю.Н. Караулова: сб. статей. 2006. М., Изд-во РУДН, 544.
- Jazykovaja lichnost': tekst, slovar', obraz mira. 2006. [Language personality: text, vocabulary, image of the world]. K 70-letiju chlena-korr. RAN Ju.N. Karaulova: sb. statej. M., Izd-vo RUDN, 544. (in Russian)
35. Якобсон Р. 1987. Работы по поэтике. М., Прогресс, 464.
- Jakobson R. 1987. Raboty po pojetike [Works on poetics] M., Progress, 464 (in Russian).
36. Charaudeau P. 2009. «Identité linguistique, identité culturelle: une relation paradoxale», Référence à compléter, 2009, consulté le 16 mai 2018 sur le site de Patrick Charaudeau – Livres, articles, publications. URL: <http://www.patrick-charaudeau.com/Identite-linguistique-identite.html> (in French)
37. Charaudeau P. 2014. Le Discours politique: les masques du pouvoir (réédition), Lambert Lucas (in French)